

9 ДЕК 1981

2207

Роман ЛУБКИВСКИЙ ЗВЕЗДА ПОЭТА

В НАЧАЛЕ XX века на небосклоне молодой белорусской литературы одно за другим ярко засверкали имена Тетки (Элизы Пашкевич), Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича. Словно наверстывая упущенное, это созвездие талантов, по словам М. Богдановича, начало «пробуждать людей к свету, правде, братству и свободе».

«Богданович-поэт, — писал Максим Рыльский, — одно из самых ярких и чрезвычайно своеобразных явлений белорусской поэзии». Самобытность Богдановича прояв-

ляется в благородной гармонии мысли и чувства, высокой культуре слова. В его творческом наследии нас одинаково привлекают и «стихи белорусского лада», пронизанные неистребимой любовью к родной истории и народному творчеству, и раскованный верлибр, и филигранные, мастерски отшлифованные сонеты, и взлеленные на национальной почве терцины, рондо, триолет...

Знаменательно, что один из стихотворных циклов Богдановича написан на мотивы русских, украинских, сербских, скандинавских, испан-

ских, персидских и японских песен. «Было бы хуже, чем нерадивость, не взять из того, что сотни народов на протяжении тысяч лет собирали в сокровищницу мировой литературы», — писал поэт. Он переводит на родной язык Овидия, Горация, Шиллера, Гёте, Верхарна, Пушкина и Майкова; на русский — лирику Шевченко, Франко, Крымского, Самиленко, а также стихи Янки Купалы и свои собственные. На русском языке создает целый поэтический сборник «Зеленя».

Будучи первым белорус-

ским критиком, он сумел верно оценить не только творчество своих соотечественников. Так, например, Якуб Колас говорил, что мало кто из украинских и русских критиков дал такой тонкий, всесторонний анализ поэтического дарования великого украинского Кобзаря, как Максим Богданович. Эти слова, касающиеся статей «Краса и сила», «Памяти Тараса Григорьевича Шевченко», не утратили своей актуальности и поныне. Диву даешься, насколько проникновенно понял этот гениальный юноша душу украинского

народа, как досконально изучил историю и фольклор.

М. Богданович умер и похоронен в Ялте. Вспыхнуло над далекой от его родины южной землей, словно метеорит, огненное слово поэта. Но до последних мгновений жизни он отрицал смерть, состоявши белорусский букварь — книгу для народа. Верил и надеялся:

Беларусь, твой народ
повс. зечается

С ярким солнцем
встаю то дня,

Посмотри, как вос.он
разгорается,
Сколько в тучах

далеких огня!..
(Перевод А. КОЧЕТКОВА)

Как близок и дорог нам
поэт своей неистребимой ве-
рай! Звезда его поэзии све-
тит сквозь время.

гор. ЛЬВУ